

Володей, хвалили его за ловкость и завидовали его удачѣ, и наоборотъ — надъ Фирсовой всѣ смѣялись, называли ее „старой душой“ и ругали ее.

Антонъ Кирилычъ, когда Володя объявилъ ему, что женится на Марьѣ Ивановнѣ, самъ на нѣкоторое время какъ бы помолодѣлъ. Ему вспомнились прежнія блаженные времена, когда онъ служилъ у князя Почечуева и повелѣвалъ сотнями безотвѣтныхъ людей. Сгорбленный станъ его распрямился; стариковскій, полупотухшій взоръ ожилъ и заблестѣлъ былымъ огнемъ, голова поднялась гордо и повелительно. Онъ сталъ еще ворчливѣе и требовательнѣе въ отношеніи своихъ домашнихъ, а батюшка, пришедшій къ нему поздравить его съ радостью, встрѣтилъ такой пріемъ, что долго послѣ того отплевывался, жалуясь Зюзѣ.

— Ишь ты, поднялъ опять носъ, старый шутъ! — говорилъ онъ, въ волненіи шагая по комнатѣ. — Прихожу къ нему, по-сосѣдски, изъяснить свое удовольствіе, а онъ мнѣ даже руки не подаетъ... „Поздравляю, говорю, Антонъ Кирилычъ, — очень радъ, что все такъ устроилось“... — А онъ что же, какъ ты думаешь, Зюзя? — „Чего вамъ, говорить, радоваться? Вѣдь не вы женитесь на ней, а мой сынъ?“ — „Какъ же, говорю, Антонъ Кирилычъ, я по знакомству“... — А онъ опять: — „Что вы усердствуете? Или рассчитываете гонораръ въ будущемъ за поздравленія-то получить?“ — Да еще смѣется! Каково, Зюзя? Я такъ и обомлѣлъ, — не помню, какъ и вышелъ оттуда...

— Вѣдь говорилъ — не ходите! — укорялъ его Зюзя. — И охота вамъ къ этимъ свиньямъ бѣсноватымъ ходить? Не нужно было. А теперь сами виноваты...

Зато Ольга Ивановна отнеслась къ будущей женитбѣ сына на богачѣ совершенно по-бабьи. Сначала она запричитала, завела, приговаривая: „родненькій мой, да какъ же ты съ эдакой старой, да страшной, жить будешь?“ Потомъ спросила, гдѣ будутъ вѣнчаться, — и успокоилась, неустанно рассказывая сосѣдкамъ о богатствѣ своей будущей неvěстки, о ея великолѣпныхъ имѣньяхъ, домахъ, платьяхъ и брилліантахъ, которыхъ она даже и въ глаза никогда не видала.

Нельзя также умолчать о томъ, какъ подѣйствовала эта новость на Щепоткина. Прежде всего онъ напился пьянъ и страшно исколотилъ свою сожительницу, Катюку; потомъ велѣлъ запретъ тройку и укатилъ въ городъ. Цѣлую недѣлю онъ пропадалъ тамъ, такъ что на заводѣ стали уже за него опасаться, — случилось ли съ нимъ чего-нибудь дурного? Но онъ вернулся изъ города цѣлъ и невредимъ, только, къ великому соблазну всего